

Научная статья

УДК 821.161.1+82-5

DOI 10.17223/18137083/96/5

## **Текст, контекст и подтекст выступления А. Толстого 1936 года о Л. Добычине \***

**Андрей Владимирович Шаравин**<sup>1</sup>

**Ирина Леонидовна Старцева**<sup>2</sup>

**Ярослав Олегович Резаков**<sup>3</sup>

<sup>1-3</sup> Брянский государственный университет  
им. академика И. Г. Петровского  
Брянск, Россия

<sup>1</sup> ekl1ier@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1282-4229>

<sup>2</sup> kafedra338@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7376-8769>

<sup>3</sup> ric.darko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2001-3429>

### *Аннотация*

Проанализирована специфика речи А. Толстого о Л. Добычине как выступления, построенного на разнообразных и противоположных смыслах. Буквально сообщение А. Толстого ориентировано на идею перевоспитания начинающих художников слова, утративших связь с советской жизнью. Информация, присутствующая в подтексте и контексте речи, реализовалась в обвинении литературных учителей Л. Добычина (Федин) в попытке организовать в СССР отделение Пен-клуба. Смысловая непроясненность, манипулятивная стратегия выступления позволила А. Толстому избежать упрека в расправе с Л. Добычиным, отвести подозрения от себя в контактах с неблагонадежными зарубежными писателями (Г. Уэллс) и создать образ борца за идейность советской литературы.

### *Ключевые слова*

формализм, европейская / советская литература, Пен-клуб, Л. Добычин, А. Толстой, Г. Уэллс

### *Для цитирования*

Шаравин А. В., Старцева И. Л., Резаков Я. О. Текст, контекст и подтекст выступления А. Н. Толстого 1936 года о Л. Добычине // Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 66–79. DOI 10.17223/18137083/96/5

---

\* Частично материал статьи под названием «Традиции европейской литературы как приговор: речь А. Толстого о Л. Добычине» был представлен в качестве доклада на Международной научной конференции «Россия / СССР и Запад. Литературные контакты. XX век» (22–23 октября 2024 г., ИМЛИ РАН) и тезисно опубликован на сайте (<http://www.nrgumis.ru/articles/archive/2024-tom-19/materialy-mezhdunarodnoy-nauchnoy-konferentsii-rossiya-sssr-i-zapad-literaturnye-kontakty-khkh-vek-2/>). Данное исследование представляет новую редакцию работы, исправленную и дополненную.

© Шаравин А. В., Старцева И. Л., Резаков Я. О., 2026

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 66–79

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 3, pp. 66–79

## Text, context, and subtext of the 1936 speech by A. Tolstoy on L. Dobychin

Andrey V. Sharavin<sup>1</sup>, Irina L. Startseva<sup>2</sup>  
Yaroslav O. Rezakov<sup>3</sup>

<sup>1-3</sup> Bryansk State Academician I. G. Petrovski University  
Bryansk, Russian Federation

<sup>1</sup> ekl1ier@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1282-4229>

<sup>2</sup> kafedra338@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7376-8769>

<sup>3</sup> ric.darko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2001-3429>

### Abstract

This paper analyzes the specific nature of A. Tolstoy's speech regarding L. Dobychin, interpreting it as a complex statement built upon diverse and contradictory meanings. On a literal level, Tolstoy's report advocates for the re-education of aspiring writers who had lost touch with Soviet reality. However, the contextual and subtextual information embedded in his speech reveals a different thesis: the detachment of the "county writer" from Soviet life is rationalized as an adherence to the literary traditions of Marcel Proust and James Joyce, purportedly instilled in the young author by his mentors, primarily Konstantin Fedin. Furthermore, the study examines Tolstoy's speech as a direct reaction to H. G. Wells's 1934 visit to the USSR, during which the English writer met with Joseph Stalin, Maxim Gorky, and various literary figures in Moscow and Leningrad. The content and rhetorical form of Tolstoy's address suggest that its historical and literary context was heavily influenced by Wells's intention to recruit Soviet cultural figures into the PEN Club. Wells's recollection that Tolstoy had kindly agreed to this proposal fundamentally predetermined the defensive subtext of Tolstoy's speech. By accusing Fedin and Dobychin of sympathizing with unreliable foreign authors, Tolstoy employed a manipulative strategy marked by semantic ambiguity. This approach allowed him to distance himself from accusations of orchestrating a reprisal against Dobychin, deflect suspicion regarding his own contacts with questionable foreign figures, and cultivate the public image of a staunch defender of ideological purity within Soviet literature.

### Keywords

formalism, European/Soviet literature, PEN Club, L. Dobychin, A. Tolstoy, H. G. Wells

### For citation

Sharavin A. V., Startseva I. L., Rezakov Ya. O. Tekst, kontekst i podtekst vystupleniya A. Tolstogo 1936 goda o L. Dobychine [Text, context, and subtext of the 1936 speech by A. Tolstoy on L. Dobychin]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2026, no. 3, pp. 66–79. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/96/5

25 марта 1936 г. на первом из собраний в Ленинградском Союзе писателей проходила дискуссия «О борьбе с формализмом и натурализмом», в ходе которой обсуждалось творчество Л. Добычина. 5 апреля 1936 г. речь о писателе произнес А. Толстой. Выступление мэтра советской литературы, по мнению литературоведов, основано на его личном неприятии Л. Добычина. В. Мешков предположил, что в романе «Город Эн» «уездный сочинитель» в образе «страшного мальчика» — Сержа Карманова — вывел А. Толстого. Литературовед опирался на расшифровку пародии Ю. Тынянова на прозу Л. Добычина, в которой мэтр советской литературы закодирован под именованием «мерзавец» [Мешков, 2015, с. 167–176]. Так что причины для личной неприязни к провинциальному сочинителю у А. Толстого были. Репетиция прелюдии к «дискуссии» 1936 г. была апробирована мэтром летом 1935 г. на «чистке» писателей, проходившей в клубе им. Маяковского (Дом

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 3

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 3

писателей). А. Толстой эмоционально комментирует проводимые обсуждения в письме к жене Н. Крандиевской: «Вчера на заседании я провел интересную вещь: чистку писателей. Это будет ведром кипятку в муравейник» (Переписка..., 1989, с. 227).

Очевидно, к дискуссии о творчестве Добычина советский граф также собирался подойти неординарно. Однако слух о самоубийстве «уездного сочинителя» («Л. Добычин (уездный сочинитель)» – так «завизировал» свое письмо прозаик Чуковскому 10 апреля 1926 г.) после проработки, начавший с 26 марта распространяться среди писателей, заставил мэтра советской литературы пересмотреть свое выступление. В. Каверин считал, что советский граф выполнял задание, полученное из Москвы, – успокоить литераторов, взволнованных слухами о смерти Добычина: «На втором собрании центральной фигурой был А. Толстой... Он не выдвигал идеологических обвинений – речь была построена тонко» [Каверин, 2006, с. 218]. Данные о возможном самоубийстве «уездного сочинителя» приводятся в доносах стукачей, осведомители также фиксируют, что ко 2 апреля «разговоры по поводу “самоубийства” Добычина начинают затихать и сменились версией, что “он обижен дискуссией, поэтому отказался от дальнейшего участия в ней и уехал за город”» [Писатель..., 1995, с. 30].

Предполагаемая смерть Добычина создала особую атмосферу вокруг дискуссии о нем. А. Толстой тщательно готовился: он ознакомился с романом «Город Эн», собирал сведения о том, как относился «уездный сочинитель» к написанному:

Он писал книгу в тесном общении с опытными и известными литераторами... им восхищались, его называли советским Прустом, а... также называли Бальзаком, Франсом, Джойсом... ему говорили, что его книга создаст эпоху, что ею он опрокинет с дюжину литературных столпов. И он верил, и старался писать, как Пруст, как Франс... [Там же, с. 23].

В выступлении А. Толстой выделил несколько имен европейских писателей, которым подражал Добычин. Список, предложенный мэтром русской литературы, компрометировал писателя в идеологическом плане. Среди перечисленных европейских писателей на Первом всесоюзном съезде положительную оценку получил Бальзак. Но даже его К. Чуковский памфлетно назвал «сносками на полях книги» (Первый всесоюзный съезд..., 1934, с. 182)<sup>1</sup>. В оценке М. Пруста тон был задан докладом М. Горького. Он акцентировал внимание на «оторванности, отвлеченности» французского писателя «от действительности», обозначив его творчество как формализм, «сосредоточенность на магии слова» (с. 11). Для Вс. Вишневского Пруст и Джойс – противники, с которыми придется «драться на Западе и на Востоке», а чтение их произведений он уподобил «действиям разведчика» (с. 285). В речи А. Тарасова-Родионова предупреждается Ю. Олеша, который готов «стать советизованным Прустом» (похожая оценка давалась и Добычину) (с. 326). Интерпретировал М. Пруста как писателя в башне из слоновой кости и Н. Бажан («Куст боярышника перед великосветской виллой для Пруста заслонил весь мир. Он не хотел... больше видеть и обил стены своего кабинета пробкой» (с. 337)). Джойс подвергся от делегатов полной обструкции. К. Радек назвал свой доклад «Джеймс Джойс или социалистический реализм?» и вынес уничижительный отзыв об авторе «Улисса»: «Куча навоза, в которой копошатся чорви, заснятая ки-

---

<sup>1</sup> Далее при ссылках на этот источник в круглых скобках указываются номера страниц.

нематографическим аппаратом через микроскоп, – вот Джойс» (с. 316). С. Третьяков подвел итог спору: «Слово о Джойсе. Спор о нем горячий. Одни защищают, другие хают.... Спорить – спорят, а кто эту книгу читал? Ведь она не переведена, не напечатана... А врага знать нужно. Нужно знать, чтобы бить общим фронтом» (с. 345–346). Такой контекст упоминания Добычина, наряду с именами Пруста и Джойса как его литературными учителями, создавал негативный идеологический контекст для личности и творчества «уездного сочинителя».

Мэтр советской литературы попытался смягчить свое сравнение Добычина с одиозными фигурами европейской литературы, «разбавив» ряд идеологически нейтральными Бальзаком и Франсом. Возможно, свою речь А. Толстой неоднократно переделывал, вносил исправления, убирая слишком явные выпады против «уездного сочинителя». Два раза в речи он упоминает «шатающегося» Добычина: «И несчастный Добычин, шатаясь, пошел из зала»; «Вот почему Добычин произнес рыдающим голосом несколько невнятных слов и пошел, шатаясь, из зала» [Писатель..., 1995, с. 22, 23]. По построению фраз в приведенных цитатах можно допустить, что вторая – это переделка написанного раньше. Два раза А. Толстой упомянул в речи и роковой палец критика, указывающий на Добычина-формалиста, обозначая главного обвинителя «уездного сочинителя»: «И вот уже наметилась жертва. Критик Берковский, как Вий, указал на нее пальцем: “Вот он!”»; «... роковой палец критика указал на него: “Формалист! В ... его!”» [Там же]. В выступлении многоточием обозначены пропущенные или, скорее, измененные слова («Одна дама с яростным любопытством шепнула другой: “...”»; «Он искал ...тически красивый стиль»; «“Формалист! В ... его!”»; «Товарищи-писатели, те, что толкали его на путь ...тизма»). При этом все пробелы связаны с упоминаниями Добычина.

Особое внимание вызвала фраза А. Толстого о том, что проработка «уездного сочинителя» подобна выставлению на публичное обозрение скрытой от читателей творческой жизни писателей: «Эта дискуссия получила некоторый уклон в сторону зрелища публичной **жизни**?» [Там же, с. 22]. Даже вопросительный знак, поставленный советским мэтром после фразы, уместен лишь в том случае, если значение написанного нуждается в корректировке. Смысл высказывания писателя оказался несколько затуманен и не согласовывался с мыслью, выраженной в предшествующем абзаце, что позволило В. Бахтину сделать сноску и прокомментировать: «По-видимому, следует читать: “**казни**”» [Там же, с. 24].

Речь А. Толстого выстроена по всем законам текста – с подводным течением, с художественными эффектами и аллюзиями, рассчитанными на опознание слушателями. Напрямую Добычина формалистом советский граф не называет. Толстой имитирует в речи имидж защитника «уездного сочинителя». Он делает многочисленные оговорки, задает риторические вопросы, не позволяющие инкриминировать ему лобовое обвинение Добычина в отступлении от принципов советской литературы:

Что же это такое? Чистейший формализм? Так и припечатали на книжке «Город Эн»: «формализм», «снять». Нет, это не совсем все-таки формализм. В книжке, несмотря на все ее качества, звенит пронзительная нота тоски. По книге веет пылью... преступно равнодушной мещанской жизни. Автор хотел сказать: «Вы, цветущие девушки, прыгающие с синего неба на зеленые луга аэродрома от избытка сил и радости, оглянитесь на пройденный путь революции! Оглянитесь и еще крепче оцените то, что дает вам сегодняшний день. Не привыкайте к тому, что создано вашими руками, это

великое счастье!..» Он искал форму для того, что было задумано. Он искал ...тически красивый стиль... Товарищи-писатели, те, что толкали его на путь ...тизма, все до одного отступились без звука протеста. Товарищи его предали [Писатель..., 1995, с. 22–23].

Писатель уходит от формулировки виновности Добычина, переводя вопрос в более широкую плоскость: «Случай с Добычиным выходит за пределы Добычина» [Там же, с. 23]. Мэтр советской литературы смещает акценты: проработка «уездного сочинителя» – это помощь от партии, органом которой является газета «Правда»:

Вся суть кампании, поднятой в «Правде», не в том... чтобы заклеить одних формалистами, других натуралистами... а в том, чтобы вывести писателей, которые в этом нуждаются, из уединения зеленого абажура – на многолюдный перекресток жизни [Там же, с. 23].

Постоянные оговорки и переакцентровка в выступлении А. Толстого сводятся к следующим тезисам-аксиомам: есть молодые писатели, которые склонны сидеть «у себя под зеленым абажуром лампы, как в пробковой комнате Пруста, изолированной от жизни, и делать изысканное искусство для немногих» (в их числе и Л. Добычин; образ Пруста в кабинете, обитом пробкой, заимствован мэтром из выступления Н. Бажана на Первом съезде советских писателей 1934 г., так что параллель «уездный сочинитель» / Пруст, Джойс явно тщательно продумана советским графом и выбрана как скрытое идеологическое обвинение); роман «Город Эн» – это творческая неудача писателя, упрощенная схема под Пруста и Франса; виноваты в этом прежде всего его литературные учителя, убеждавшие его следовать европейской традиции [Там же, с. 23]. В таком контексте по-другому звучит начало речи, где происшедшее с Л. Добычиным сравнивается с жертвоприношением юнги во время бури:

Океан разгневался, суденышко трещит, гибель грозит всем, и, чтобы умиловить Нептуна, – бросают за борт в пучину жертву, ну, разумеется, того, кто поплосе из команды: юнгу какого-нибудь... Такое у меня впечатление от нашей дискуссии. Жили мирно, плыли тихо. И – на тебе! Нептун ударил трезубцем. И пошла суматоха: искать жертву. Таким «юнгой-за борт» был у нас, например, писатель Добычин [Там же, с. 20].

Очень резкая реакция, ее воспроизвел В. Каверин в книге воспоминаний «Эпилог», последовала на выступление мэтра от жены К. Федина. Понятно, что в своей речи, называя литературных учителей Добычина, Толстой метил в автора романа «Города и годы». В воспоминаниях М. Чуковской упоминается, что «один из писателей, обретших славу до революции, но недавно во всеуслышанье признавший Советскую власть и вернувшийся из эмиграции», обыгрывал в своем выступлении образ Федина:

Ему почему-то понравился образ Федина, сидящего у стола под зеленым абажуром, и он снова повторил: «И вот, сидя под зеленым абажуром, Федин услышал о некоем Добычине...» [Там же, с. 13].

Необходимо отметить, что в опубликованном докладе Толстого имени Федина нет. Очевидно, оно прозвучало в его речи, и мэтр советской литературы задним числом его вычистил. Иначе чем объяснить резкую реакцию на слова Толстого жены Федина:

Федина не было на собрании... Но была его жена, Дора Сергеевна... – Каков подлец! – громко сказала она о Толстом... (Это было в переполненном коридоре.) – ...Такой может ночью подкрасться на цыпочках, задушить подушкой, а потом сказать, что так и было. Иуда!.. [Каверин, 2006, с. 218].

Отметим и особый исторический контекст слов жены Федина, связывающий имя Толстого с его предком П. А. Толстым. Современники сподвижника Петра Первого, обманом привезшего царевича Алексея на расправу из-за границы, называли его Иудой. А об удушении царевича подушкой Толстым, Ушаковым, Румянцевым, Бутурлиным сообщалось в 4-й книге герценовской «Полярной звезды» 1858 г. в опубликованном «Письме Александра Румянцева к Титову Дмитрию Ивановичу». Очевидно, слова жены Федина намекают на предка Толстого и передающуюся по наследству склонность к предательству.

Попробуем «реставрировать» контекст. По воспоминаниям М. Чуковской, Федин упоминался в интерьере с зеленой лампой. В выступлении А. Толстого есть четыре таких отрывка: «...мы сидим... в тишине кабинетов, озаренных зеленым абажуром писательской лампы»; «Он сидел у себя под зеленым абажуром лампы...»; «Нагремься и утомься, возвращаются в свои кабинеты под зеленый абажур, под которым лежит рукопись социальной значимости...»; «...вывести писателей, которые в этом нуждаются, из уединения зеленого абажура – на многолюдный перекресток жизни» [Писатель..., 1995, с. 20, 23]. Образ лампы с зеленым абажуром для статьи на четыре листа довольно частотен. Очевидно, Толстой стремился таким образом привнести в сознание слушателей какую-то важную для него мысль. Советский граф создает образ общества писателей, литературных учителей Добычина, которые «нагремевшись» о соцреализме, возвращаются в свои кабинеты, где под лампой с зеленым абажуром в виде отдыха слушают главки из «Города Эн» [Там же, с. 23]. Ключевой образ – лампа с зеленым абажуром. Так – «Зелёная лампа» – называлось воскресное литературно-философское общество русских писателей-эмигрантов, образованное в 1927 г. и собиравшееся в доме Мережковских, о чем А. Толстой был прекрасно осведомлен. Кроме того, «Зелёная лампа» – это название дружеского общества петербургской молодежи в 1819–1820 гг., куда входили и декабристы, а название кружка, полученное по зеленому абажуру лампы в комнате, где происходили заседания, стало символом «света и надежды». В выступлении Толстого в образе группы писателей, читающих книгу Добычина под лампой с зеленым абажуром, гомеопатически, подспудно вводятся смысловые коннотации союза, общества, враждебного советскому государству. Именно это и обусловило такую резкую реакцию жены Федина.

Выступление мэтра по-разному оценивается современными исследователями. Так, В. Бахтин [1989, с. 180] утверждает, что его речь написана для спасения Добычина, В. Мешков [2015, с. 176], наоборот, считает, что речь обвинительна. Такая противоречивая оценка выступления А. Толстого свидетельствует о подводных течениях и различных подтекстах, в нем скрытых. Учитывая постоянные оговорки мэтра по поводу обвинения Добычина в формализме, самыми главными упреками остаются приверженность «уездного сочинителя» традициям Пруста и Джойса и равнодушие автора романа «Город Эн» к советской действительности.

А. Толстой неслучайно начинает выступление с образа корабля и юнги, да и риторический вопрос, который он озвучивает, имеет однозначный ответ: «Я бы начал с вопроса: представляют ли писатели отчетливо, кто такой этот Нептун... потрясающий уютный кораблик литературы?» [Писатель..., 1995, с. 20]. И хотя

далее в речи писатель объясняет, что это «советский читатель 1935–36 года», понятно, кого на самом деле имел в виду мэтр.

Г. Уэллс приехал в Россию в 1934 г., и 23 июля произошла его встреча с И. В. Сталиным. В 1934 г. в журнале «Большевик» была опубликована стенограмма их беседы, а позже, в 1935-м, вышла отдельной брошюрой. Безусловно, А. Толстой внимательно ознакомился с публикациями. У писателя также произошла встреча с Г. Уэллсом, и ему было необходимо выверить свое впечатление по Сталину, и некоторые аспекты прочитанной стенограммы оказали воздействие на подготовку его речи о Добычине. В беседе с Уэллсом глава советского государства обыгрывает образ корабля:

Переделка мира есть большой, сложный и мучительный процесс. Для этого большого дела требуется большой класс. Большому кораблю большое плавание.

*Уэллс.* Да, но для большого плавания требуются капитан и навигатор.

*Сталин.* Верно, но для большого плавания требуется прежде всего большой корабль. Что такое навигатор без корабля? Человек без дела.

*Уэллс.* Большой корабль – это человечество, а не класс.

*Сталин.* Вы, господин Уэллс, исходите, как видно, из предпосылки, что все люди добры... Я не верю в доброту буржуазии (Беседа..., 1934, с. 13).

Этот отрывок беседы Уэллса и Сталина о классовом и общечеловеческом кораблях во многом корреспондирует с «корабликом литературы» из речи А. Толстого. Да и в дальнейшем через выступление писателя проходит разворачивание метафоры газеты «Правда» («Статьи “Правды” нас информируют, предостерегают, указывают на широкую дорогу к миллионам наших читателей. Зачем же воспринимать их, как удар в днище нашего суденышка» [Писатель..., 1995, с. 21]). В конце беседы Уэллс затронул еще один важный для него вопрос о возможности для советских писателей стать членами Пен-клуба:

*Сталин.* Не собираетесь ли побывать на съезде Союза советских писателей?

*Уэллс.* К сожалению... я смогу остаться в СССР только неделю. Я приехал, чтобы встретиться с Вами... Но я собираюсь говорить с теми советскими писателями, с которыми я смогу встретиться, о возможности их вступления в Пен-Клуб. Это – международная организация писателей, основанная Голсуорси, после смерти которого я стал председателем... Эта организация настаивает на праве свободного выражения всех мнений, включая оппозиционные (Беседа..., 1934, с. 18).

Сталин, по стенограмме, ответил нейтрально: «Это называется у нас, у большевиков, “самокритикой”. Она широко применяется в СССР» (Беседа..., 1934, с. 18). Стенограмма, безусловно, была переработана, слова Сталина выправлены и уточнены. В мемуарах «Опыт автобиографии» Уэллса соответствующее место описано по-другому. Писатель выводит идею участия советских писателей в Пен-клубе из концепции единого социалистического Мирового государства:

Я пытался снова вернуться к тому, что Запад и Восток могли бы объединиться, чтобы создать социалистическое Мировое государство... Запад и Восток начинали свой путь, имея совершенно разный исходный уровень материальных достижений, а теперь у каждого из них – то, чего не хватает другому; и я ратую за планетарное завершение революционного процесса.

Сталин, к тому времени уже вполне раскованный и заинтересованный ходом беседы... покачал головой и глубокомысленно сказал: «Nyet». Мысль о таком взаимодополняющем сотрудничестве, очевидно, возбудила его худшие подозрения (Уэллс, 2007, с. 415).

Получив отрицательный ответ об участии СССР в едином Мировом государстве, Уэллс попробовал хотя бы решить вопрос о возможности членства советских писателей в работе Пен-клуба:

Затем мы обсуждали свободу слова. Он признавал необходимость и достоинства критики, но предпочитал, чтобы она была домашнего, партийного изготовления и не выходила за пределы партийной организации. Там, сказал он, царит критика необыкновенно принципиальная и свободная. Критика же извне может быть предвзятой (Уэллс, 2007, с. 416).

Английский писатель почувствовал отрицательное отношение И. Сталина как к идее единого Мирового государства, так и к участию советских писателей в работе Пен-клуба, однако он продолжил зондировать поднятую проблему и на встрече с М. Горьким 25 июля 1934 г. Инициатором обсуждения проблемы, могут ли советские писатели войти в Пен-клуб, выступил Уэллс, который неожиданно для собеседников перешел к этому вопросу, отмечает в своих воспоминаниях 1962 г. Л. Никулин:

Мы... ждем, что скажет наш гость... Но он почему-то склонен говорить о Пэн-клубе – международном обществе литераторов. Горький спросил, входят ли в Пэн-клуб фашисты. Уэллс ответил, что, по уставу, в Пэн-клуб принимают литераторов, активно работающих на территории своей страны. – Следовательно, фашисты состоят в Пэн-клубе, поскольку они активно работают на территории гитлеровской Германии и Италии? Уэллс... говорит, что устав Пэн-клуба появился после окончания Первой мировой войны под влиянием «пацифистских» идей, которые тогда владели интеллигенцией Запада, и... может быть, удастся перевоспитать фашистов... в недрах Пэн-клуба. – Значит, белые эмигранты не принимаются в Пэн-клуб только потому, что у них нет «территории»? Неопределенная, слабая улыбка. Тема разговора меняется [Никулин, 1962, с. 35–36].

Отметим, что приведенный отрывок из мемуаров писателя представляет лишь сглаженный конспект его речи, произнесенной на Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. и, безусловно, насторожившей А. Толстого.

Уэллс в мемуарах отводит значительное место дискуссии о Пен-клубе с М. Горьким. Разговор между ними начался с обсуждения «свободы слова», при этом английский писатель фиксирует изменения, произошедшие с «буревестником революции»: «Теперь он превратился в законченного сталиниста» (Уэллс, 2007, с. 416). Уэллс, по мемуарам, начинает беседу с лобового вопроса:

...я спросил новых русских писателей: не пора ли освободить от государственного контроля литературную деятельность в России и создать в Москве свободный и независимый ПЕН-клуб? Я говорил о том, как необходима свобода письменного высказывания, устного слова, изобразительного искусства в любом высокоорганизованном государстве, что чем жестче нравы в политической и общественной жизни, тем нужнее, чтобы критика время от времени бросала им вызов. Для всех моих слушателей эти



идеи были полным откровением, хотя Горький, должно быть, когда-то их разделял (Уэллс, 2007, с. 417).

Вопрос о Пен-клубе перешел в вопрос о свободе слова и творчества. Английский писатель выдвинул тезис о «свободе» как «основе русского ПЕН-клуба в России, если его можно создать», получив в ответ возражения М. Горького, который отметил, что это может быть и «уместно» «в более стабильном англосаксонском мире, где вправе себе позволить игру с заблуждениями и ересью; но Россия, в сущности, ведет войну и не может быть снисходительной к оппозиции» (Уэллс, 2007, с. 418). Уэллс развивает свою мысль, констатируя, что подавление людей приведет к утрате ленинизмом «жизненной силы» и его исчезновению. Присутствующий на встрече М. Литвинов, дипломат и народный комиссар по иностранным делам СССР, завершил дискуссию вопросом:

Литвинов пресек их колебания, спросив, хочу ли я, чтобы высланные белогвардейские писатели вернулись в Москву. Я сказал, что ему решать. Возвращение это принесло бы пользу им самим и всей России, как и возможность их выслушать, но в любом случае принцип ПЕН-клубов таков, что ни один подлинный художник, ни один писатель, каковы бы ни были его общественные или политические убеждения, не может быть лишен права в них вступить. Я пообещал, что оставлю свое предложение в письменном виде, чтобы его прочитали на предстоящем съезде советских писателей. Если они решат вступить в свободное братство ПЕН-клубов, очень хорошо. Если же нет, я приложу все силы к тому, чтобы об их отказе узнал весь мир. Именно русское интеллектуальное движение больше всего пострадает от такого упорного стремления строить все культурные связи с внешним миром в одностороннем порядке – Россия предлагает свои идеи и не принимает никакой критики (Уэллс, 2007, с. 418–419).

Раздражение Уэллса понятно: его план о движении глобалистов к Мировому государству и идеи планируемого мира, куда он мечтал включить и СССР, опираясь на авторитет советских писателей, провалился.

У английского писателя произошла еще одна встреча, с писателями, учеными, деятелями культуры в Ленинграде 1 августа 1934 г. в гостинице «Астория». На ней присутствовали профессор, физик Б. Вейнберг, математик, журналист Я. Перельман, писатель-фантаст А. Беляев, профессор, популяризатор космонавтики Н. Рынин, директор издательства «Молодая гвардия» М. Гальперин и писатель, редактор Г. Мишкевич. По воспоминаниям Мишкевича, Уэллс сразу заявил о цели встречи: проверить реакцию ленинградской интеллигенции на предложение о вступлении в Пен-клуб:

УЭЛЛС:

– Я очень рад... встретиться со своими коллегами по профессии. Это... одна из главных целей моей поездки в Советский Союз. ...после смерти Джона Голсуорси я был избран президентом сообщества писателей «Пенклуб». В Москве я виделся с Максимом Горьким, с которым обсуждал вопрос о вступлении Союза советских писателей в «Пенклуб». Но Горький решительно отклонил мое предложение на том основании, что «Пенклуб», не делая никаких политических различий, в число своих юридических членов принял корпорации писателей гитлеровской Германии и фашистской Италии. Я лично был весьма огорчен, услышав из уст Горького отказ...

ВЕЙНБЕРГ:

– Это произошло потому, что некоторые писатели Германии и Италии, не хотят служить гуманизму, предпочитая поддерживать сумасбродные... устремления своих диктаторов...

УЭЛЛС:

– Писатель... должен... по возможности быть вне политики. В противном случае его творчество может оказаться не свободным от влияния тенденции...

БЕЛЯЕВ:

– Мистер Уэллс, позвольте спросить, были ли вы как литератор абсолютно свободны от влияния тенденции?..

УЭЛЛС:

– У нас... совершенно разные подходы... Я исхожу из всечеловеческого добра. Вы видите во всем лишь классовую борьбу... [Мишкевич, 1968, с. 438–439].

Настойчивость английского писателя, после отказа М. Горького обратившегося с этим же вопросом к ленинградским писателям, понятна: для него было важно выяснить, все ли советские писатели единодушны по этой проблеме. Тем более что во время посещения А. Толстого в Детском селе, перед встречей в гостинице «Астория», Уэллс вспоминает, что он получил другой ответ. 22 октября 2015 г. на телеканале «Культура» вышла передача, в которой филолог Иван Толстой, внук писателя А. Толстого по отцу, рассказал о встрече мэтра советской литературы с английским писателем<sup>2</sup>. На торжественном, по высшему разряду, приеме кроме А. Толстого, по воспоминаниям Уэллса, присутствовали ленинградские писатели и среди них К. Федин. Иван Толстой говорит, что его версия посещения английским писателем советского графа услышана им от родителей. Ведущий передачи касается вопроса о Пен-клубе, только в его трактовке это выглядит как-то мимолетным и незначительным эпизодом. Иван Толстой рассказывает:

Уэллс смешал все карты. Он сразу сел за стол и сразу стал есть. Писатели подчинились воле гостя... Уэллс задал два-три кратчайших вопроса по поводу Пен-клуба. И тут он внутренне усмехнулся. Писатели начали наперебой говорить, как им нравится эта идея. Пен-клуб это замечательно, мы обязательно его создадим<sup>3</sup>.

По мнению внука писателя-классика, Уэллс понял обман и розыгрыш:

Уэллс, все-таки, человек достаточно проницательный и образованный, понял, что ленинградские писатели предупреждены кем надо, соглашайтесь с английским недотепой, пусть он уедет довольный нашей страной. Все равно никакого Пен-клуба не будет. И Уэллс понял, что это все провокация, что его разыгрывают<sup>4</sup>...

Продемонстрировав, что обман им раскрыт, английский писатель, в трактовке И. Толстого, весь прием общался только с «прабабушкой, тоже Крандиевской»,

---

<sup>2</sup> См.: Исторические путешествия Ивана Толстого. Книги с ключом. Герберт Уэллс в гостях у бабушки. URL: <https://www.rxtv.ru/tv-istoricheskie-puteshestviya-ivana-tolstogo-knigi-s-klyuchom-gerbert-uells-v-gostyax-u-babushki-14387675/> (дата обращения 14.10.2024).

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

полностью игнорируя остальных участников встречи. В передаче ведущий также сообщает: «Об этом нет ни единого слова в объемной биографии Уэллса», при этом внук писателя держит в руках издание «Опыт автобиографии...» (Уэллс, 2007). Версия встречи в изложении Ивана Толстого демонстрирует схему: обман Уэллса Сталиным, розыгрыш его ленинградскими писателями на встрече в Детском селе. В автобиографии, опубликованной именно в том издании, которое и держал в ведущий передачу Иван Толстой, Уэллс описал посещение советского графа иным образом:

Спустя несколько дней у Алексея Толстого в Детском Селе (так окрестили Царское Село) мне довелось погрузиться в несколько другую атмосферу. Там я тоже встретился с писателями и представил им на обсуждение все ту же идею – раскинуть по всему миру тонкую сеть сообществ, которые объединяют свобода и достоинство искусства и литературы. Между Ленинградом и Москвой всегда существовал очень отчетливый контраст в том, что касается умственного склада, темперамента и политических убеждений... Даже служение новой вере здесь иное (Уэллс, 2007, с. 419).

Не соответствует воспоминаниям Уэллса и сообщение И. Толстого, что английский писатель задал два-три кратчайших вопроса о возможности создания Пен-клуба в СССР:

После беседы у Горького я сделал выводы и ленинградским писателям изложил все искусней. Ничего похожего на подозрительность и твердые предубеждения той, первой, встречи я здесь не встретил. Оказалось, что они вполне готовы принять идею ПЕН-клубов и отстаивать свободу научного и художественного выражения перед соображениями политической целесообразности. Они обещали поддержать на Съезде мой меморандум, где я предлагаю учредить российский ПЕН-клубовский центр, в котором был бы обеспечен свободный обмен мнениями; и я с огромным интересом буду ждать сообщения об их схватке с откровенной нетерпимостью московских умов (Уэллс, 2007, с. 419).

И уж конечно, из написанного в автобиографии никак нельзя сделать вывод о подозрении автора мемуаров, что его разыгрывают писатели-ленинградцы. История рассказана Иваном Толстым так, как он ее услышал от родителей. А вот уже созданный А. Толстым миф нуждается в пояснении. Очевидно, мэтр советской литературы, действительно, давал обещание Уэллсу приложить усилия к пропаганде среди писателей идей Пен-клуба. Как отмечают научные редакторы издания, «двухтомный “Опыт автобиографии” Герберта Уэллса впервые увидел свет в 1934 году, а 1937-м на прилавках книжных магазинов появился его более скромный в полиграфическом отношении и потому более дешевый вариант», так что у А. Толстого были вполне обоснованные опасения, что его благожелательное отношение к идее Пен-клуба могло вызвать негативную реакцию Сталина (Уэллс, 2007, с. 655). Они усилились после проведения Первого всесоюзного съезда советских писателей 1934 г., когда мэтр советской литературы осознал, какую идеологическую ошибку он совершил, высказав положительное отношение к идее Уэллса о Пен-клубе. В докладе П. Юдина сравниваются задачи «пен-клубов» («не заниматься политической деятельностью») и Устава Союза советских писателей, основанные на реализации метода социалистического реализма, являющегося «выражением того нового, что рабочий класс и социализм вносят в художе-

ственное творчество человечества» (с. 662). Общую точку зрения всех советских писателей на членство в Пен-клубе выразил Л. Никулин:

Я вспомнил о так называемых пацифистах, когда присутствовал при беседе Уэллса с группой наших писателей. Уэллс в качестве председателя Пэн-клуба официально передал приглашение советским писателям вступить в этот клуб. Он говорил, что единственная цель этого клуба – борьба за свободное творчество, за свободную мысль. Он говорил, что формально каждый писатель может быть принят в Пэн-клуб, если нация, к которой он принадлежит, имеет территорию, на которую распространяется ее власть. Только по этой причине белые эмигранты до сих пор не приняты в Пэн-клуб. Когда я говорю о свободе творчества и том смысле, как его понимает Уэллс, я вспоминаю фразу Геббельса: «Искусство должно держаться определенных нравственных и политических норм» – норм, установленных, по-видимому, самим Геббельсом. И вот те литераторы, которыми управляет Геббельс, очевидно должны были тоже войти в Пэн-клуб на основе свободного обсуждения вопросов творчества. А когда Уэллсу был задан вопрос: что будут делать литераторы в Пэн-клубе, если разразится война, он ответил загадочной улыбкой (с. 330).

Чтобы избежать обвинения в симпатии к Пен-клубу, А. Толстым создавалась и апробировалась версия о незначительности вопросов, поднятых на встрече с Уэллсом, и его общением исключительно с плохо слышащей и не понимающей по-английски прабабушкой Крандиевской.

В 1936 г. во время дискуссии о формализме А. Толстой переакцентировал предложение Уэллса на Добычина и его литературных учителей (прежде всего К. Федина, бывшего на встрече с Г. Уэллсом в Детском селе), симпатией автора «Города Эн» к западным литераторам аллюзивно намекнув, что среди советских писателей есть те, кому идея вступления в Пен-клуб пришлась по душе. Этим посылом мэтр снимал подозрения с себя. Завуалированное обвинение осознали большинство принимавших участие в общем собрании, о чем свидетельствовали их негативные отклики на выступление А. Толстого. Да и фигуры западных писателей, в следовании традициям которых обвинялся Добычин, были одиозными и идеологически неприемлемы для советской критики (Джойс, Пруст).

### Список литературы

- Бахтин В. С.* Судьба писателя Л. Добычина // Звезда. 1989. № 9. С. 177–182.
- Каверин В. А.* Эпилог. М.: Вагриус, 2006. 571 с.
- Мешков В. А.* Писатель-загадка Леонид Добычин: крымские страницы. Симферополь: Таврида, 2015. 224 с.
- Мишкевич Г.* Три часа у великого фантаста // Вторжение в Персей. Л.: Лениздат, 1968. С. 435–442.
- Никулин Л.* Люди и странствия. Воспоминания и встречи. М.: Сов. писатель, 1962. 512 с.
- Писатель Леонид Добычин: Воспоминания, статьи, письма. Сборник. СПб.: Звезда, 1995. 304 с.

### Список источников

- Беседа т. Сталина с английским писателем Г. Д. Уэллсом // Большевик. 1934. № 17, 15 сент. С. 8–19.
- Добычин Л. Полн. собр. соч. и писем. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; Звезда, 2013. 544 с.
- Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934. 718 с.
- Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. 431 с.
- Уэллс Г. Дж. Опыт автобиографии: Открытия и заключения одного вполне заурядного ума (начиная с 1866 года). М.: Ладомир: Наука, 2007. 718 с.

### References

- Bakhtin V. S. Sud'ba pisatelya L. Dobychina [The fate of the writer L. Dobychin]. *Zvezda*. 1989, no. 9, pp. 177–182.
- Kaverin V. A. *Epilog* [Epilogue]. Moscow, Vagrius, 2006, 571 p.
- Meshkov V. A. *Pisatel'-zagadka Leonid Dobychin: krymskiye stranitsy* [Mystery writer Leonid Dobychin: Crimean pages]. Simferopol, Tavrida, 2015, 224 p.
- Mishkevich G. Tri chasa u velikogo fantasta [Three hours with the great science fiction writer]. In *Vtorzheniye v Persey* [The invasion of Perseus]. Leningrad, Lenizdat, 1968, pp. 435–442.
- Nikulin L. *Lyudi i stranstviya. Vospominaniya i vstrechi* [People and wanderings. Memories and meetings]. Moscow, Sov. pisatel', 1962, 512 p.
- Pisatel' Leonid Dobychin: vospominaniya, stat'i, pis'ma: sbornik* [Writer Leonid Dobychin: memoirs, articles, letters: collection]. St. Petersburg, Zvezda, 1995, 304 p.

### List of sources

- Beseda t. Stalina s angliyskim pisatelem G. D. Uellsom [The conversation of comrade Stalin with the English writer H. G. Wells]. *Bol'shevik*. 1934, no. 17, pp. 8–19.
- Dobychin L. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete collection of works and letters]. St. Petersburg, Soyuz pisateley Sankt-Peterburga, Zvezda, 2013, 544 p.
- Perepiska A. N. Tolstogo: v 2 t.* [The correspondence of A. N. Tolstoy: in 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1989, vol. 2, 431 p.
- Pervyy vsesoyuznyy s'yezd sovetskikh pisateley. Stenograficheskiy otchet* [The First All-Union Congress of Soviet Writers. Verbatim report]. Moscow, GIKhL, 1934, 718 p.
- Uells G. Dzh. *Opyt avtobiografii: otkrytiya i zaklyucheniya odnogo vpolne zauryadnogo uma (nachinaya s 1866 goda)* [The autobiography experience: discoveries and conclusions of one quite ordinary mind (since 1866)]. Moscow, Ladomir, Nauka, 2007, 718 p.

### Информация об авторах

Андрей Владимирович Шаравин, доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций филологиче-

ского факультета Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского (Брянск, Россия)

*Ирина Леонидовна Старцева*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций филологического факультета Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского (Брянск, Россия)

*Ярослав Олегович Резаков*, кандидат филологических наук, независимый исследователь (Щелково, Россия)

#### **Information about the authors**

*Andrey V. Sharavin*, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian, Foreign Literature and Mass Communications, Faculty of Philology, Bryansk State University Academician I. G. Petrovsky (Bryansk, Russian Federation)

*Irina L. Startseva*, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Russian, Foreign Literature and Mass Communications, Faculty of Philology, Bryansk State University Academician I. G. Petrovsky (Bryansk, Russian Federation)

*Yaroslav O. Rezakov*, Candidate of Philology, independent researcher (Shchyolkovo, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 03.04.2025;*

*одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 14.07.2025*

*The article was submitted on 03.04.2025;*

*approved after reviewing on 14.07.2025; accepted for publication on 14.07.2025*